

Игорь Шестков "Шесть посланий виртуальной возлюбленной"

ШЕСТЬ ПОСЛАНИЙ ВИРТУАЛЬНОЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

1

После полета хожу весь день дурной, между сном и явью. О Калифорнии рассказывать еще труднее, чем фотографировать океан. Две недели жил в морском Ранчо – это такая на десять миль растянувшаяся коммуна богатых людей. Деревянные виллы на берегу океана или в секвойном лесу. Утопия социальная и географическая, прохладная. Температура не поднимается даже летом выше 17 градусов. Дожди, туманы. На другой стороне огромной чашки с водой – Япония, Китай и Россия.

Синий океан, пестрые цветы на склоне, обрывы, черные гранитные скалы. Ветер. Очень поэтичное место. Прогулки вдоль берега располагают к размышлениям.

Думаешь, думаешь...

О беспредельности, не о беспределе.

О равнодушии природы к человеку.

О единственном нашем даре – милосердии (во всем остальном так дальше крабов и не пошли).

Потом жил три дня в Сан-Франциско. «Красивый город на холмах», только я уже староват и для красот и для холмов. Ходишь как вошь по верблюду – вверх-вниз. Не то, чтобы не понравилось. Просто меня больше интересуют люди, чем мосты, музеи или архитектура. А гигантские здания банков приводят в ярость. Людей я видел только двух типов – туристов и бомжей. От тех и от других тошнило, потому что в них узнавал себя. Давал бомжам доллар и просил показать настоящий «американ смайл». Понимали. Показывали.

Ночью Сан-Франциско это нечто. Тут темпераменты не европейские, фантомы иной природы. Бразилия? Африка? Пляшущие и поющие динозавры-негативчики, нанюхавшиеся кокаина, наглотававшие экстази... Могут и башку разбить, если под копыта попадешь...

Потом улетел во Франкфурт. По дороге проклинал себя, самолеты и особенно салат из креветок, которым зло объелся, несмотря на вегетарианство.

Я старше вас. Мне тысячу лет. Лет семь назад я перестал жить. Но плотояден, распутен и неприятно толст. Для вас не опасен. Типичен. Вы таких и в Иерусалиме и в Одессе видели не раз.

«Подсказать» я вам ничего не могу – сам не знаю ни черта. Я не писатель и не провидец. Пишу от нечего делать. Рад, что к вам приходят мужчины и деньги. Ко мне не приходят ни те ни другие. А события и тем более «прекрасные» остались в другой жизни. Рад, если голова не болит.

Можете ли вы прислать по электронной почте фотографию? Было бы интересно посмотреть на вас. Моя небритая физиономия смотрит с первой страницы интернетной страницы.

2

У вас хорошо работает интуиция – я действительно болен. Глаза воспалились. Как будто два красных плавающих моста кто-то вставил в череп. Был сегодня у врача, торчал в приемной часа полтора. Пациенты напоминали оркестр, готовый к концерту, но почему-то так и не начавший музицировать. Сидели, вздыхали, взъерошивали волосы, кряхтели, вставали, уходили, приходили, рассуждали о ценах, о глаукоме, опять вздыхали. Всех куда-то вызывали, всем что-то мерили, просили посидеть, потом опять вызывали, выдавали какие-то бумажки, кое-кто получал очки, кого-то отправляли в высшую инстанцию – к доктору. В голосе медсестры слышалось благоговение... Наконец и меня позвали. Доктор оказался очень маленьким, породистым, умным и красивым. Лазил мне в глаза оптическим аппаратом, все сразу понял, утешал, одобрял, обещал.

Пой, пой, красавец, – думал я, – пой что хочешь, можешь и станцевать, только помоги, без глаз я крот. Крот с окровавленными мостами в глазах.

Выписал антибиотик.

Вышел от врача. Пошел к оптику. Оптик мой похож на ученого осьминога. Его глаза сверкают как изумруды. Предлагая товар, обвивается вокруг шеи щупальцами и засасывает.

Мои глаза пылали как фары. Чтобы их потушить, купил черные очки. 120 евро.

Идиот. Идиот в квадрате – заказал новые очки для компьютера. Еще 200. Оптик радостно суетился, встал на руки и прыгал.

Притащился в квартиру подруги. Укатила на дачу.

Сегодня ночью мы поссорились. После моего оргазма. Она сказала мне, что я эгоист, что она не намерена терпеть. И свалила. А я весь день решал, не перетащить ли мои пожитки ко мне (я снимаю маленькую квартиренку). Но так и не решился. Мой эгоизм отступает перед ленью.

Два слова о моих фотографиях. Полуголая женщина – это моя подруга.

Мужчина на фоне магазина – ее брат, писатель и тромбонист. Старушка – это ее 96-летняя мама, года два назад умершая. Старик – бывший солдат вермахта, написавший мемуары, которые никто не хотел публиковать, потому что в них описывалось, как немцы расстреливали собственных раненых солдат при отступлении из Украины. Молодой человек в очках – программист. Уехал в Испанию и остался там жить. Сошел с ума. Пишет старым друзьям имейлы, в которых грозит разрезать их на двести пятьдесят шесть частей. Почти все остальные мужчины – саксонские художники. Коза, лошадь, деревья, дома, прохожие, Эльба в черном Дрездене, испепеляющий полдень в Плауне, все дрожит в мистическом экстазе существования, смертной радости бытия...

Ненавижу дизайн. Не умею его делать. Это и по безобразному оформлению моей книжонки чувствуется. Хотел ее издать как записки... Всего я издал девять подобных опусов. Безумное тщеславие. Но и это прошло.

Слышу взрывы – это палят берлинцы. Празднуют футбольную победу над бедной Коста Рикой. Погодите радоваться, роботы-бомбовозы! Вынесут вашу команду славные и легкие французские или бразильские ребята.

Обнимаю вас как кота в мешке, пользуясь безнаказанностью слов и снов.

3

Спасибо за фотографии, любезная Солоха. Не обижайтесь, я в час волка становлюсь грубым.

Странное ощущение – наткнуться на следы еще одной непрожитой жизни. Как на иголку в клубке...

Я пишу не о вашей, а о моей несостоявшейся жизни, которая вся, как кино,

промелькнула у меня перед глазами. Дон Жуану было, как известно из текста Пушкина, достаточно одной узкой пяточки, чтобы представить себе всю женщину, «от гребенок до ног», а мне достаточно увидеть ваше прекрасно развитое ушко. Не говоря обо всем остальном.

Вот бегут по пляжу четыре веселых курчавых жиденят, я стою в просторной льняной рубашке, в шортах, у меня порыжевшая борода, на лысине вязаная кипа. У вас оранжевая ленточка в волосах, глаза – то черные как ночь в Гефсимании, то синие как армянская черепица. На ваших губах морская средиземноморская соль.

Мы едим крупный черный виноград. Снимаем с ягоды кожу, а потом кладем под язык. И целуемся с ягодами во рту.

Простите... Берлинская ночь сера, одинока. Отчаянье подкатывает к горлу и застревает в нем. Потом опускается в живот. Там и остается, сосет червем, не уходит... Трудно перегнуть этот яд во что-то путное. А другого пути нет. Ну разве что, съесть что-нибудь. Вот я и ем.

Чужая жизнь, чужая женщина. Скорее всего – твоя же дальняя родственница. Очень похожи. Не может быть, чтобы никто из моих предков-рабиновичей не был ее прапрадедом или внучатым дядей.

4

Неудавшийся фотограф, никому не нужный писатель, доморощенный интерпретатор Дюрера приветствует вас, королева лесов, подрядчиков и стройматериалов!

Постройте леса вокруг моего черепа, отремонтируйте мою душу, найдите субподрядчика для моих силлогизмов! Вы королева, жена короля. Маленького немецкого короля строительных лесов из чудесного пригорода Нюркиной горы. Из долины Ангела. Где семьсот лет назад невесты Христовы лицезрели в мистическом озарении его светящиеся стопы...

Кажется, ваш король не голый.

Надеюсь, он выпускает вас из своего королевства хотя бы иногда одну. Или вы, милая Суламита – наложница, содержитесь на коротком поводке в обмен на жизненные блага? Или делаете глиняные кирпичи для фараона, как наши предки

в египетском плену?

Ах мерзавец, – подумала она, – мы еще и не знакомы, а он уже ревнует, в душу лезет, вопросами мучает. И в постель со мной хочет. Вот так всегда с нашими. Скажешь пару теплых слов, а он пристанет, как банный лист. Не надо было ему адрес давать... Ипоганит все, прилипнет, не отвяжешься... И что я дура ему еще писала, сама напросилась, комплиментов на его писанину понавешала... А он уже и про мужа все знает... Бедный мой Гюнтер. Честный, красивый. И что мне не сидится. Захотела на свою задницу приключений! Опасно! Да и толку чуть. Будь прокляты эти русские, эти художники-дармоеды, эти всюду позасевшие псевдогении, ноющие бездельники!

Как видите, королева, я уже пишу за вас, потому что вы не соизволиваете. Сам себе пишу от вашего имени. Не сердитесь.

Опять ночь. Села как птица на ветку сосны и вращает в темноте безумными совиными глазами. Круглые диски ночи. Ртутью залитый мир. В ее парах задыхаются спящие. Их храп – полуночный лепет отравленных. Разговор обреченных с глухонемым Танатосом.

5

Я ни одной своей подруге не был верен. Любил их честно и примитивно. Слишком примитивно, может быть. Самое главное происходило во мне самом, туда я женщин никогда не пускал. Попробовал, пустил, обжёгся несколько раз и с тех пор замкнулся. Никаких границ в сексе не знал и знать не хотел. .

Вы пишете – искусство, природа, эротика. Все эти понятия стали слишком высокими для меня. Искусство в современном мире превратилось в черный метаболизм или грязный капустник. Про природу даже говорить не хочется, так ее испоганили, а эротика, это для сильных, не боящихся смерти...

А вы, стало быть – «доми́на», любезная Солоха! Не прикажите ли купить кожаные доспехи с наручниками? И плеточки-семихвосточки, нежные, для филейных мест! И цветных свечечек для капанья воском на соски и яички...

Вы что, всех нас, за ржущих от похоти, перед женщинами пресмыкающихся, жеребцов почитаете? Таких несчастный Бруно Шульц рисовал. Если у вас нет его графических альбомов, настоятельно советую купить – это еще эротичнее

чем спятивший на костлявых бедрах собственной сестры Эгон Шиле.

Вы меня хотите заразить своей легкомысленностью? Меня? Самого легкомысленного из всех легкомысленных? Если бы вы жили в Берлине, я после этого вашего заявления сразу бы к вам приехал или к себе позвал и попросил сейчас же, непосредственно, заразить. Чем угодно. Ваше счастье, что я уважаю вашу частную жизнь и даже звонить вам никогда не буду.

Как звучит ваше настоящее русское имя?

6

Милая Жанна, вот и кончился наш, так и не начавшийся роман. Мило и грустно.

Стену одиночества не так легко разбить. Да и стоит ли? Буковки, строчечки, смыслики не способны пробить брешь в вселенской хандре. Только телом, его теплом, соединением кровей достигается понимание, постигается жизнь.

Вы хотели общения, светских разговоров, сдобренных эротическими ароматами, а столкнулись с болью, уже много лет запертой в черном ящике.

Ситуация хорошо знакомая из русской литературы. Литературе этой пришел конец. Наплевать! Многому пришел сейчас конец. Постараемся не визжать.

Природа не имеет ушей, чтобы слушать наш визг, не имеет глаз, чтобы увидеть наши слезы.

Все время пытаюсь понять, что же меня так грызет? Подступающая старость со всеми ее ужасами? Болезни? Смерть? Да, конечно, это в первую очередь. А что еще? Душевная пустота? Да, и она.

Неудавшаяся жизнь? Ну да, отчасти. Но все это грызет любого. Что же еще? Не знаю. Наверное еще и то, что к старости понял, что не знаю толком ничего, ничего не умею, все потерял.

Мучил всех, кто ко мне приближался. Трусил всегда. Избегал долгой и тяжелой работы. Закончил университет по специальности «математика» ни черта в ней не понимая. Десять лет морочил голову сотрудникам института, говорил с апломбом... Оправдывал себя тем, что, вот, мол, непризнанный гений, страдает... Бесконечно морочил голову себе и другим.

Пытался убежать от в глубине моего существа сидящего зверя садизма, космической распушенности, безумия. Зверя, похожего на летучую мышшь с

собачьей головой, догнавшего меня наконец на пятидесятом году жизни.

Зверь вкрадчивый и острожный, когда мы сильны духом, и осатаневающий от лютости, когда мы духом слабеем. Его приход ознаменовывается приступами тоски, черной меланхолии. Она, эта дюреровская сука отпирает ему дорогу в нашу душу, а потом и в нашу жизнь. Добро пожаловать!

Сегодня днем заснул и мне приснился странный сон.

Будто я в комнате. Высокие стены увешаны фотографиями в черных рамочках. Мебели нет. В комнате я не один, а с другом. Он умер двенадцать лет назад. Но во сне – мы все еще вместе. Беседуем.

Говорю другу: «А я могу летать!»

И взлетаю. Медленно. К потолку. Смотрю на него сверху. Мне хорошо видны фотографии, висящие у потолка – снизу их нельзя было рассмотреть. На фотографиях – моя жизнь.

Мне хорошо в воздухе. Легко. Лечу плавно, сохраняя вертикальное положение тела.

Слетаю вниз, беру друга за руку и медленно взлетаю вместе с ним. Он смотрит на меня спокойно. Улыбается. Парит со мной под потолком. Мы медленно кружимся в странном вальсе. Вдруг я вспоминаю во сне, как тяжело он умирал от рака легких, задыхался.. А я побоялся приехать тогда в Москву, чтобы с ним проститься.

Умоляю его: «Прости меня, прости!»

Но он меня не слышит, улыбается в полете, и мы кружимся, кружимся под потолком...